

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

УДК 342.7:342.4:341.231.14:070(049.32)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.165-173>

А. В. КЛЁМИН¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ

(Рецензия на статью Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651)

Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: kleminandrey@mail.ru

Цель: оценка авторского видения проблемы дезинформации через средства массовой информации, приведшая к юридическому спору относительно конституционных прав человека и защиты общества от фейковых новостей.

Методы: диалектический метод и системный подход, общенаучные методы аналитической проработки произведения (анализ и синтез, обобщение, сравнение, абстрагирование и др.), формально-юридический.

Результаты: на основе всестороннего рассмотрения рецензируемой статьи сделаны обоснованные выводы о выявленной в Соединенных Штатах Америки коллизии между правом на распространение информации и правом на получение качественной и достоверной информации, которая в настоящее время удовлетворительно решена быть не может ввиду политизированности проблемы и относительными неконкретностью и декларативностью американской Конституции. Автор сопоставляет ситуацию по данной проблеме в России и других странах, приглашая исследователей к дальнейшему корректному научному диалогу.

Научная новизна: комментарий к статье Д. Манзи может быть полезен для формирования обобщенного видения проблемы фейковых новостей и тех последствий, которые она имеет для правоприменительной деятельности.

Практическая значимость: формализация юридического спора между конституционными правами человека и защитой общества от фейковых новостей может дать возможность более детально сформировать политику России в отношении рисков, которые несут в себе фейковые новости, и гипертрофированной озабоченности правами человека.

Ключевые слова: свобода слова; права человека; фейк; фейковые новости; вседозволенность и порядок; СМИ; правительство; право на свободу слова; защитники фейка; допустимость права на свободу слова; коронавирус

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Клёмин А. В. Права человека и возможности их ограничения (Рецензия на статью Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651) // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 1. С. 165–173. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.165-173>

A. V. KLEMIN¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia

HUMAN RIGHTS AND POSSIBILITIES TO LIMIT THEM

(Review of the article by Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651)

Andrey V. Klemin, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and European Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: kleminandrey@mail.ru

Objective: to assess the author's vision of the problem of disinformation through the mass media, which led to a legal dispute regarding the constitutional human rights and the protection of society against fake news.

Methods: dialectical method and system approach, general scientific methods of analytical study of the work (analysis and synthesis, generalization, comparison, abstraction, etc.), formal legal method.

Results: based on a comprehensive review of the article, reasonable conclusions are made about the conflict between the right to disseminate information and the right to receive high-quality and reliable information, which currently cannot be satisfactorily resolved due to the politicization of the problem and the relative lack of specificity and a declarative character of the American Constitution. The author compares the situation on this issue in Russia and other countries, inviting researchers to further proper dialogue.

Scientific novelty: the comment to the article by D. Manzi can be useful for forming a generalized vision of the problem of fake news and the consequences it has for law enforcement.

Practical significance: formalization of a legal dispute between constitutional human rights and the protection of society against fake news may provide an opportunity to thoroughly form Russia's policy with regard to the risks posed by fake news and hypertrophied concerns about human rights.

Keywords: Freedom of speech; Human rights; Fake; Fake news; Permissiveness and order; Mass media; Government; Right to freedom of speech; Defenders of fake; Admissibility of the right to freedom of speech; Coronavirus

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Klemin A. V. Human rights and possibilities to limit them (Review of the article by Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651), *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 165–173 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.165-173>

В журнале *Fordham Law Review* за 2019 г., № 6 (87), pp. 2623–2651¹, была опубликована любопытная статья D. C. Manzi «*Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News*». В ней освещаются юридический спор и судебная тяжба, последовавшие за попыткой государства (США) по-

ставить под контроль качество и достоверность журналистской информации. Проще говоря, осадить фейки. Казалось бы, благое дело. Но неожиданно американская фемида заняла прямо противоположную позицию. Выяснилось, что столь полезное дело, как охрана общества от фальшивбросов, вступает в конфликт с конституционными правами человека. Конкретно с правом на свободу слова и мнений. Об опасностях лженовостей (фейков) для общества не приходится и говорить. Они очевидны. Но американский суд (пользуясь правом прецедента) запретил какое бы то ни было ограничение указанного права на свободу слова. Кто-то скажет, что, мол, эта

¹ Русскоязычный вариант статьи опубликован в этом номере журнала. См.: Манзи Д. Управление рынком дезинформации: первая поправка и борьба против фейковых новостей // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 1. С. 142–164. – Прим. ред.

интрига происходит далеко от России, а значит, тема абстрактна и интересна разве что узким специалистам. Но не тут-то было. Ровно те же проблема и коллизия случились и в России. Но больше удивляет другое: их совпадение и по времени, и по существу. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, мы сразу можем выразить благодарность нашему автору за проблему, поднятую в данном исследовании. Она затрагивает и нас в меньшей степени. Полагаем, что и у стран Западной Европы есть аналогичная проблема. Так что иностранный автор поднял животрепещущую проблему, которая имеет место в наши дни. В чем же дело? И в чем ее смысл? Внешне конфликт выглядит как сугубо юридический и абстрактный спор о соотношении «права человека» (на свободу слова) с одной стороны и конкретного отраслевого закона, притязающего на его ограничение с другой. Может ли и в какой мере конкретный закон ограничивать права человека? Смысл коллизии более конкретен. Просто говоря, перед нами столкновение не столько двух идей, концепций и норм, сколько конфликт средств массовой информации (далее – СМИ) и государства. Либерального и консервативного замыслов. Государства и оппозиции. То есть спор предельно конкретен. О неограниченности и самоограничении в выборе способа подачи новостей. Первые требуют сохранения безграничной свободы для любых сообщений, невзирая на их недостоверность и печальность последствий. Официальные службы, напротив, стремятся оградить общество от ложных и тем разрушительных новостей СМИ, угрожающих обществу или публичному порядку. Не забудем, что СМИ – это самый влиятельный рычаг на государство. А недобросовестные, панические и сенсационные вбросы (фейки) – это не случайные недосмотры, а эффективный метод расшатать обстановку, ослабить государственные скрепы, опорочить публичный порядок, а то и вовсе довести до коллапса. Все в курсе последних лжевбросов о коронавирусе и его всемирной угрозе. Что мы видим в результате? Китай трясет, США трясет, Азия и Западная Европа, кажется, другими вопросами уже не занимаются. Урон экономике ВВП Китая от коронавируса в первом квартале 2020 г. составил \$143 млрд². При этом будто никто не замечает того очевидного факта, что от простого гриппа и ОРВИ

в том же Китае умирает в 5 раз больше больных, чем от нового вируса. Однако панические вбросы не прекращаются, а только набирают обороты. 12 февраля новостные каналы уже сообщают о 10 000 чел., якобы умерших от коронавируса³. Стоит ли после этого задуматься о контроле за СМИ или попустительствовать фантазиям и далее? Это вопрос, на который любой человек ответит однозначно.

Но не будем упрощать. Внешне это противостояние камуфлируется лоббистами со стороны СМИ правами человека (правом на свободу слова и мнений). А как ведет себя государство? Оно вынуждено действовать с оглядкой на права человека. Причем либеральными институтами создается образ государства как едва ли не потенциального нарушителя конституционного права человека. И странно видеть, что у официальных служб не находится контраргументов, чтобы объяснить обществу и тем же СМИ, что их действия как раз и направлены на соблюдение прав человека (свободу слова). Что безопасность и благополучие общества только растут от введения госнадзора за фейками. А это и есть главный критерий всякой управленческой деятельности государства. Убедить, что административный надзор за качеством и достоверностью новостных сообщений – это не целевое узурпаторское противодействие правам человека, а надзор и отсечение злоупотребления информацией. Увы, она тоже бывает разной. Мы прекрасно знаем, и автор широко показал, насколько могут быть вредны обществу фейковые новости. К сожалению, государство добровольно соглашается с образом потенциального узурпатора прав человека. В итоге в абстрактно-судебном споре побеждает 1-я поправка к Конституции США, а государство проигрывает. Средства массовой информации США получают ничем не ограниченную свободу любых новостей и их произвольного толкования. В итоге фейки (например, о том же коронавирусе) продолжают с возрастающей фантазийностью. Точно так же и русофобские измышления об отравлении Скрипаля, по делу Литвиненко, Березовского, российских спецслужб, Трампа, которому якобы помогли с выборами русские хакеры (и сам Путин). К сожалению, политический мейнстрим заставляет американских и западноевропейских авто-

² URL: <https://ria.ru/20200217/1564854827.html> (дата обращения: 12.02.2020).

³ URL: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2246265/> (дата обращения: 12.02.2020).

ров упоминать о вымышленных «российской угрозе», «российском вмешательстве», чего, к сожалению, не сумел в полной мере избежать и автор рецензируемой, безусловно интересной, статьи.

Ставится вопрос до абсурда навыворот: до каких материально-правовых границ официальные службы государства могут позволить себе «нарушить» право на свободу слова и мнений. Либеральные оппоненты заставляют госслужбы оправдываться за свои меры по сохранению мира, спокойствия, государственного и общественного порядка. И называют эту полезную правоохранительную деятельность посягательством на права человека. Вот каким парадоксом оборачивается на практике, казалось бы, абстрактный спор о праве.

Допускаем, что с другими «правами человека» тяжба могла бы пройти и не столь заметно. Но отношения государства и частных СМИ имеют, очевидно, повышенную чувствительность. Дело в том, что либеральная общественность (как в США, так и в РФ) считает СМИ своим главным ресурсом и рычагом в битве с государством. И потому стоит насмерть, отстаивая полную свободу формировать нужные умонастроения, вплоть до антигосударственных. Так что перед нами очередное столкновение либеральной общественности и их структур с одной стороны и (консервативного) государства, а заодно и консервативной общественности с традиционными ценностями (порядочности, справедливости, семьи, созидания) с другой. Государственная власть видится населению как ценность: опора, помощь и защита. А не как противник, враг и узурпатор, т. е. как либеральная антиценность.

Правозащитники противодействуют государству и пытаются игнорировать «надзорные» начинания правительства. Не выступая фронтально против новоуказаний – выхолостить их изнутри. Например, вместо его поддержки в борьбе с фейками они требуют провести исследования и сравнить свободу Интернета в РФ и в других странах. Другими словами, проблема фейка оказалась самой что ни на есть идеологической. Вот в какие безжалостные (идеологические) жернова попал автор с данной темой. Ему, правда, удается сохранять нейтралитет, не проявляя особо внешних симпатий ни к той, ни к другой стороне. Все-таки тема щекотливая. Но градус напряженности в отношениях сторон, по нашему мнению, вряд ли снизится. Тем более не стоит рассчитывать на «примирение сторон» по мере активизации правительственных структур в пресечении

фейковых новостей. А блокирование действительно осуществляется, и, по отзывам, довольно эффективно. Интернет сообщает об учащении блокирования фейковых контентов. И одновременно о новых попытках либеральных сил выхолостить это право (на блокирование).

А это делается разными предложениями: якобы необходимостью независимых экспертиз, долгих предварительных расследований, дискуссий, которые будто бы должны предварять блокировку, введения правила отсрочки блокирования на один день, многомесячных судебных тяжб за честь, достоинство и деловую репутацию и т. д.). Предложения, как видим, изобретательны и даже виртуозны, так как фейковая новость даже за один день «висения» на новостном сайте в силах нанести ощутимый вред обществу и государству. Именно поэтому законодатель ввел обязанность незамедлительного удаления недостоверной информации. И именно с этим словом – «незамедлительно» – борются больше всего. Но все это в российском законе. А вот американский закон, видимо, вчистую проиграл в суде «праву человека». Таким образом, коллизия конкретного закона (о борьбе с фейком) с декларативно конституционным правом на свободу слова вылилась в конфликт между *вседозволенностью* и *порядком*, в битву журналистской анархии с попыткой ее регулирования.

Заметим, что у россиян нет такого негативного опыта с ложными информационными новостями, как у американцев. Автор пишет о казусах еще 1930-х гг. Если помните, в советское время вся новостная информация справедливо считалась идущей от государства. А значит, проверенной, точной и достоверной. Так же как и советские продукты питания – никому не приходило в голову ставить под сомнение их качество и достоверность. К тому же мы всегда железно знали, кто за все это отвечает (правительство). Сегодня не знаем – правительство устранилось, а граждане остались один на один с частными хищными агентствами новостей и частных каналов. Но как только правительство вступилось за граждан и наконец-то решило навести порядок, отрегулировав эту важнейшую отрасль и определив для СМИ рамки незаконной информации, на него обрушился град молний за вторжение в якобы «неприкасаемую» свободу слова. Даже сегодня, спустя 30 лет после приватизации почти всех новостных агентств, основная масса населения считает, что они по-прежнему так или иначе исходят от государства. И уж если что-то

сообщается, то обязательно от правительства. Апеллировать за защитой к правительству и государству у нас принято исторически. Если наводнение – правительство «должно» построить. Сгорело – правительство «должно» восстановить. Пострадали – обеспечить. Обанкротился частный банк – правительство «должно». Мошенничество – опять «должно» вмешаться правительство. Обманутый дольщик – вновь подавай правительство. Обманули – «куда смотрит президент». Вот такая неизбывная апелляция к правительству. Увы, это российская этатистская традиция. Отсюда и доверие к новостям у нас, вероятно, более высокое.

В США такой традиции нет. Поэтому у россиян все-таки нет той закалки и скептицизма к фейковым новостям, как у американцев. Скажем так, сенсацией у нас еще можно кого-то удивить. Обратим заодно внимание и на то, что доверие к телевизионным новостям в РФ традиционно выше, чем к Интернету. Это тоже объяснимо. В США иная традиция: частные новостные агентства там – привычное дело. Так, автор указывает на первые казусы в США еще довоенных времен. И как результат – самые фейковые новости, с самыми невообразимыми фантазиями исходят именно из США. А уж когда надо кого-то демонизировать и сделать преступником (скажем, Уго Чавеса, М. Каддафи, С. Хусейна, спецслужбы РФ, Ким Чен Ына, венесуэльского президента Мадуро), то фейковые новости, ложные сенсации и панические атаки сыплются из США как из рога изобилия. Все тамошние СМИ как по команде садистски забивают указанный объект до степени изгиба и всеобщей справедливой ненависти.

Так что проблема фейковых новостей не такая уж узкая, как может показаться с первого взгляда. Да, фейковые новости опасны сами по себе. Общественное, государственное и личное благополучие может сильно пострадать и уже страдает от вбросов и фальши в СМИ. Статья на эту тему дает прекрасное представление о тех опасностях и угрозах обществу, которые порождают недостоверные новостные сообщения. Со своей стороны мы можем лишь пополнить перечень наиболее известных случаев, когда фейковые новости вызвали сильные общественные волнения, а иной раз даже жертвы (Индия)⁴. Огромное поле для недо-

стоверной информации дал в последние недели и упомянутый коронавирус. Так, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 17 февраля 2020 г. сообщает, что в «Фейсбуке» гуляет новость о якобы 10 тысячах умерших от коронавируса. Но ни ВОЗ, ни кто-то другой не подтверждает авторства новости. С этим не поспорить. И со своей стороны мы лишь подтверждаем всю отвратительность и грозную опасность этого недавно возникшего явления. Автор совершенно справедливо указывает на *аморальность и неэтичность* фейковой деятельности. Подчеркнем, что она носит осознанный (а не случайный) характер. С заведомо проектируемыми негативными последствиями. Что говорить, с современными техническими устройствами стало намного проще и эффективнее оказывать влияние на умы населения. Автором приводится немало случаев такого влияния и последствий, вызванных фейком.

Уже по названию статьи можно судить, что исследователь не ограничился лишь общими рассуждениями об опасности этого феномена. Он взял в качестве фокуса очень любопытный и довольно деликатный аспект – столкновения правовой коллизии «прав человека» с обычным отраслевым конкретным правом. И вольно или невольно показал нам неоднозначность и критериальную неясность такой концепции и такого права, как право на свободу слова, да и прав человека в целом. Мы, например, увидели, что права человека, и в частности на свободу слова, до сих пор не имеют той понятийной определенности, которую следовало бы иметь любому праву. Право обязывает законодателя дать предельно ясное понятие любому праву. Без него оно не может работать. Может быть, это не всем известно, но важно понимать, насколько фундаментальна роль понятия в праве (законе). А если его нет...

Добавим, что отсутствие понятия оставляет широкий простор («люфт») усмотрению суда. Мы много раз видели такие решения, где суд сам дает некие политологические определения и уже на их основе выносит «правильные» решения. Особенно страдает этим англо-американская судебная юрисдикция, построенная, как известно, на прецеденте. Еще одним показательным примером такой самоаргументации, является Суд ЕС. И, как результат, право на свободу слова не только вступает в коллизию с конкретным правом, но может, к сожалению, оказаться и опасным «оправдателем» и даже сподвижником такого антигосударственного и антиобщественного явления, как

⁴ URL: <https://lenta.ru/news/2018/08/07/messengers/> (дата обращения: 12.02.2020).

искажение объективной действительности (в СМИ). Автор подробно привел нам несколько таких решений. Это говорит о двух проблемах.

Во-первых, о концепции прав человека, одна из которых (на данном примере), оказывается, не всегда может быть полезна человеку и обществу, как мы привыкли о ней думать. Согласимся, что абсолютность полезности свободы слова несколько блекнет на фоне проблемы фейка и уже не кажется столь безапелляционной и бесспорной, как представлялась еще недавно. Фейк показывает, что права человека можно использовать не только на пользу, но и во вред общественному благополучию. Судя по юрисдикции США, именно это и произошло с правом на свободу слова, которое признает законным и дает простор для таких антиобщественных действий, как фейки. Сегодня не принято оспаривать основные права и свободы. А то еще обвинят в антидемократизме. Напротив, принято фетишизировать их и считать, что они *непререкаемы и неотъемлемы*. Однако случай с фейком дал основательный повод для дискуссии о правах человека в целом. Как минимум *об отсутствии у «прав человека» понятий*. Мы уже высказывались, что отсутствие четкого правового понятия дает возможность «люфта» в толковании, правоприменении и правореализации. Вот только один пример. Что значит конституционное право на образование – право поступать в Кембридж за 13,4 тыс. фунтов иностранцам из третьих стран (включая РФ)? Или за 8,4 тыс. фунтов для учащихся из ЕС? Или 3,4 тыс. фунтов для англичан? Или это право на бесплатное обучение, как было в СССР? Толкуй, как пожелаешь.

То есть речь *о понятийных критериях*, о мере – до каких границ распространяемы права человека. Ведь если это «права» (а не декларации под видом «прав»), то должны быть законодательно определены и рамки их действию: *во времени, по кругу лиц, по силе воздействия*. Могут ли они противоречить конкретным «отраслевым» правам? Или, напротив, *Lex specialis derogate lex generalis* («закон специальный отменяет генеральный»)? Это римский «общий принцип права». А какой планкой следует ограничить конкретный отраслевой закон? Проще говоря, автором подспудно поднимается вопрос о понятии *права на свободу слова*. Жаль лишь, что он не углубляется в анализ и оценку этих «прав». Не поднимает хотя бы словом вопрос о понятии законодательном, конституционном. Кста-

ти, американский суд, как видим, умело пользуется отсутствием законодательного понятия «права на свободу слова и мнений», толкуя его в нужном русле.

И второе: *о понятии фейка*. Исследователь, увы, не дает нам его американского определения. Напомним, что вопрос о понятии – это болезненный вопрос всех правовых систем. И международного права в том числе. Законы часто бывают больны декларативностью. Например, национальные законы не знают даже понятий «федерализм», «федеративное государство». А что такое «Российская Федерация» или «субъект Федерации»? Законодатель умалчивает об их свойствах и критериях. А это, кстати, для работы конституционной комиссии сегодня крайне важно. Зато появляются новые понятия: «обманутый дольщик», «фальсификат», «паломник», «вино»... Бывало, что отсутствие понятия стоило жизни. И это не преувеличение. Так, в 1984 г. по известному делу «Гастронома “Елисеевский”» был расстрелян его директор. Оказывается, ст. 173–174 («Дача, получение взятки») предусматривали от 5 до 15 лет лишения свободы. Но была и приписка: «При особых обстоятельствах» – смертная казнь. УК РСФСР не давал понятия «особых обстоятельств». Пользуясь этим, суд вынес смертный приговор. Едва ли он мог бы сделать это при наличии четких признаков «особых обстоятельств». Вот сколь существенна роль понятия. Нет понятия – и закон/норма не работает. Поэтому, на наш взгляд, вопрос понятия фейка мог бы быть раскрыт чуть более пристально. Автор же поступил с ним как истинный политолог – не вдаваясь в детали субстанции «недостовверная информация». А вот российское законодательство, напротив, в 2019 г. восполнило пробел в информационном праве. Как известно, ст. 15 ч. 3 была дополнена следующим весьма конкретным недвусмысленным содержанием. После этой новеллы кривотолки и разночтения стали невозможны не только в вопросе квалификации фейка, но и в процессуальных аспектах применения содержащихся в нем запретов. Появился новый термин: «незамедлительно». Именно такой срок теперь отводится соответствующим службам для блокировки ложного сообщения. Конкретны и меры ответственности.

Право на свободу слова против права на защиту от фейка – мы видим, что суд США дважды решал вопрос о границах этих двух узаконений. И делал он это с трудом и сомнениями, выбрав в итоге права

человека. Теперь вопрос: охватываются ли эти два понятия соподчинением или это два чуждых друг другу понятия? Это вопрос, на который стало ответить еще труднее, чем до указанных решений суда. А если они действительно проистекают из одной идеи – естественных прав, то каково их соотношение? Другими словами, какому правопритязанию следует отдавать приоритет? Более широкому (праву на свободу слова) или узкому (закону о недобросовестных новостях)? Какие принципы должны действовать при коллизии общего и специального права – *specialis-generalis* или *Lex posterior derogate lex anterior* («закон последующий отменяет предыдущий»)?

То есть отсутствие понятий общего и специального американского законов заводит в тупик поиск справедливого решения. Автор, к сожалению, не дает «американского» понятия фейка, но по российскому закону 2019 г. мы знаем точное законодательно-понятийное определение «недостовестных новостей». Похвалим российское понятие – оно большое и критериально-конкретное. Такое тоже нечасто случается.

Таким образом, законодательная неопределенность указанного права человека оказалась невольной разоблачена. Естественен и следующий вопрос: почему такое важное право, как право на свободу слова, не имеет четкого, критериально сформулированного законодательного понятия? Можно ли сказать, что это недосмотр законодателя? Или, как говорят юристы, *если нет понятия, то нет и явления*. И наоборот – *если нет явления, то нет и понятия*. В общем, так или иначе, а автор, видимо, не осознавая и не ставя такой задачи, выводит нас на все эти рассуждения. А именно о соотношении прав человека и отраслевого конкретного права. И далее, почему в таком непросом, подчеркнем, юридическом споре берут верх не юридические аргументы (статья, норма, коллизия, верховенство...), а чисто моралистские доводы суда о невозможности приуменьшения права на свободу слова, ибо это... «нельзя». Где мера такой «невозможности»? Каковы критерии этого беспредельно широкого права? И почему суд впадает в ступор, сталкиваясь с таким, казалось бы, ясным делом, как коллизия двух «законов», двух норм, двух прав. Об идеологической подоплеке этой проблемы мы уже упоминали.

То есть фейк *обнажил проблему концепции прав человека*. Иными словами, было бы ошибкой ду-

мать, что с основными правами и свободами все уже окончательно ясно. И человечеству осталось лишь следовать им. Как видим, и тут должны быть и есть рамки, границы и пределы. Например, никому точно не известно, сколько всего этих «прав и свобод человека». С данным делом мы получили уже не абстрактный конфликт двух «прав» (норм), а вполне конкретный. И от его разрешения зависят безопасность и благополучие общества и человека. Как быть? Суд вместо юридических доводов и конкретных (арифметических) критериев, свойственных (четкому) негативному праву, принимает решения, как ни странно, умозрительно, по своему, ему одному известному наитию и невнятной собственной логике. Автор, к сожалению, не углубляется в анализ и оценку этой проблемы и остается де-факто в рамках лишь ее общего описания, тогда как проблема представляется все-таки намного более глубокой. Ведь что на самом деле мы имеем? Фундаментальное право (абстрактное) коллидирует с отраслевым административным правом (конкретным). Как известно, абстрактное – это формальное, т. е. право без применения. Конкретное – это действующее право, применяемое. Право конкретного запрета, дозволения, поощрения. То есть государство не только формулирует такое право, но и применяет его в жизненной практике: удаляет фейки, блокирует сайты, требует действий как от надзорных органов, так и СМИ, налагает штрафы.

А в результате оказывается, что право, не имеющее понятия, по существу декларация, получает высшую юридическую силу по сравнению с настоящим правом – нормой. В этом приоритете нет логики. Выходит, что американский суд ставит декларацию, т. е. абстрактное провозглашение, выше конкретной нормы права, *рекомендацию выше закона*. К тому же в ущерб обществу. С этим уже не поспорить. Вот какой аспект искомого соотношения дополнительно вторгается в наши размышления. Еще раз напомним, что без понятия нет права (кража, грабеж, бандитизм, мошенничество, коррупция, агрессия, терроризм, акт терроризма...). А есть лишь декларация, или, как говорят специалисты, вместо понятия и термина – просто слово, просто словосочетание. Суд, по всей видимости, не определяет никаких границ ни действию закона о фейковых новостях, ни рамок «декларации о свободе слова», где именно заканчивается сфера регулирования одного и начинается другое.

Заметим, что не только суд США, но и некоторые российские законодатели, причастные к выработке нового права, встали на сторону права на свободу слова, призывая, например, дать время до нескольких суток (на усмотрение СМИ) на удаление ложного интернет-контента. Объяснялось это тем же самым: дать возможность реализоваться праву на свободу слова. Этот факт говорит о том, что не только США, но и Российское государство не знает точных критериев права на свободу слова, что дает простор для применения любого критерия. В данном случае «временного». То есть одни сутки и право на свободу слова в глазах либеральных лиц уже как будто реализовано. Вот что значит нет понятия.

Защитники фейка выступают против использования в законе и термина «незамедлительно». Он означает «без малейшего промедления с удалением информации». Казалось бы, справедливое требование, ибо каждый лишний час недобросовестных новостей, как мы уже знаем, может дорого обойтись обществу и государству. Однако сторонники приоритета «неограниченной свободы слова» пытаются придать дискусионность справедливости удаления фейка и просто задебатировать каждый такой акт Роскомнадзора. Они предлагают превратить приравнивание информации к фейку в поединок надзорных органов и СМИ. И, конечно, исключить из закона требование «незамедлительного удаления» недостоверных новостей. В итоге максимально растянуть тяжбу, давая фейку время делать свое черное дело – дезинформирование и введение в заблуждение. Ими считается, что фейк – это лишь относительное правонарушение и оно может считаться таковым только при самых явных и очевидных обострениях, причем фактических, а не будущих, ибо и вред от них еще якобы не доказан. И даже способы его доказывания якобы неизвестны.

Например, Совет по правам человека РФ ссылается на практику применения ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая «не допускает ограничения права на свободу выражения мнения исключительно по мотиву недостоверности распространяемой информации. В постановлении от 6 сентября 2005 г. по делу «Салов против Украины» ЕСПЧ указал, что «статья 10 Конвенции сама по себе не запрещает дискуссию или распространение информации, даже если есть серьезные подозрения, что эта информация не является правди-

вой (параграф 113)»⁵. То есть апологеты верховенства права слова всегда исходят из неограниченности его приоритета. Заведомая недостоверность информации и ее последствия (для жизни и здоровья) их не смущают. Дебаты идут, дискуссия продолжается. А тем временем фейки множатся и вред общественным и государственным интересам не уменьшается, а растет. Взять хотя бы вбросы и сгущения о коронавирусе. Отсутствие четких понятийных критериев права на свободу слова превращает это право в декларацию, а в худшем случае в вольно трактуемую, растяжимую и многосмысловую вседозволенность.

Для разрешения удаления Совет по правам человека требует привлечения сбора, во-первых, максимально полной информации от официальных служб, а также наличия независимых экспертных мнений⁶. Он предлагает «открытую и свободную дискуссию» о фейке. Остается открытым один вопрос: а как быть с самим фейком? Он все это время висит на сайте и продолжает вызывать «социальную нестабильность» или все-таки удаляется на время предлагаемой дискуссии? Сторонники либерального крыла прилагают все усилия для размывания границ между свободой СМИ и конкретными запретами закона о фейковых новостях. Автор как раз и поднимает эту проблему в своей статье: о границе допустимости права СМИ на свободу слова, с одной стороны, и права на защиту от недобросовестной информации официальными службами, с другой. Вот такие вопросы вызвал, казалось бы, простой вопрос о недобросовестных новостях. И, как видно, не только у нас, но и в США. И вызвал очень похожие, мы бы сказали, аналогичные трения.

Как конкретно совместить гарантии прав и свобод человека с возможностью их ограничения федеральным законом согласно ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ: «... только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности

⁵ Экспертное заключение на принятие Государственной Думой Закон «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и на Закон «О внесении изменений в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» п. 7. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5324/> (дата обращения: 12.02.2020).

⁶ Там же. П. 11.

государства». А вот упомянутая ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека указывает на противоположное – что «право свободно выражать свое мнение включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1)». Но и конвенция дает государствам право на ограничение права на свободу слова: «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (пункт 2).

Ему вторит и Конституционный суд РФ – что «федеральный законодатель должен, исходя из принципа равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности, обеспечивать баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных право-

отношений⁷. Правда, нам кажется, что КС тоже не вполне верно противопоставляет «конституционные ценности» «правам и законным интересам участников конкретных правоотношений». Как будто это разные, несовпадающие вещи – конституционные и конкретные права⁸. (постановление КС РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П).

То есть безбрежности права на свободу слова и Конституция РФ, и Европейская конвенция, и Конституционный суд противопоставляют возможность их ограничения государством. Однако в США, увы, мнение суда склонилось на сторону СМИ, а не публичной власти. Заметим, что американская конституция страдает в отличие от российской удивительной для нас неконкретностью и декларативностью. Всего 10 статей и 36 поправок. В таком виде она дает суду возможность самого широкого «люфта» в оценке события – пренебрегать юридическими аргументами в угоду политологическим соображениям. К тому же США не являются участником Европейской конвенции 1950 г. и могут не считаться с мнением ЕСПЧ. Вот такие вопросы и дискуссии порождает тема фейковых новостей, поднятая рецензируемой статьей, столь интересной и познавательной для российского читателя. Считаем, что она очень полезна для юристов – как практиков, так и студентов. Все-таки она учит разрешать правовые коллизии. В частности, фундаментальных прав и возможностей их ограничения

Список литературы / References

1. Manzi D. C. Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News, *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651.

Дата поступления / Received 20.02.2020

Дата принятия в печать / Accepted 10.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Клёмин А. В., 2020

© Klemmin A. V., 2020

⁷ См. постановления Конституционного Суда РФ № 3-П от 18 февраля 2000 г., № 10-П от 14 ноября 2005 г., № 14-П от 26 дек. 2005 г., № 9-П от 16 июля 2008 г., № 14-П от 7 июня 2012 г., № 4-П от 12 марта 2015 г. и др.).

⁸ См. постановления Конституционного Суда РФ № 14-П от 30 июня 2011 г.